

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТОМСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ПСИХОЛОГИЯ

МАТЕРИАЛЫ VII СИБИРСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФОРУМА

Часть 1

Аттракторы и идентичности
человека цифровой эпохи.
Образование. Воспитание. Творчество

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2017

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИЧНОСТИ С ГОРОДОМ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

С.А. Литвина¹, О.И. Муравьева¹, С.А. Богомаз¹, О.В. Кружкова²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: litvina65@mail.ru; muravey59@mail.ru; bogomazsa@mail.ru; galiat1@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-06-10803а).

Аннотация. Выделено три вида структуры идентичности с городом на выборке из шести городов России.

Ключевые слова: идентичность с городом; безопасность; молодежь; целеполагание; ценности.

Введение. Проблематика идентичности на сегодняшний день является одной из «болевых точек» как в социальной жизни, так и в пространстве наук о человеке. «Болевой» эту тему делает, прежде всего, радикальность и масштабность политических и экономических трансформаций, а вместе с этим и возрастание социальной вариативности – возникновение новых групповых норм и ценностей, социальных ролей и видов деятельности, увеличение многообразия способов и принципов организации социальных групп и общностей. Поэтому в сегодняшнем «множественном» мире следует говорить не столько о поисках идентичности, сколько о постоянно идущей идентификации, «никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельностью, в которую все мы по необходимости или осознанно вовлечены» [1, с. 12]. Это дает основание Е.П. Белинской утверждать, что в понятии идентичности сегодня конституируется, прежде всего, проблема изменчивости / устойчивости личности.

Особенно актуальными в последние 15–20 лет становятся исследования идентичности как внутренней самосоздающейся, динамической организации потребностей, убеждений и индивидуальной истории человека в контексте его взаимодействия с окружающей средой: вводятся такие понятия, как пространственная идентичность [2], территориальная идентичность [3], идентичность с местом (place-identity, settlement identity) [5, 7, 9], городская идентичность, или идентичность с городом (city identity, urban-related identity) [4, 6, 8]. Современные процессы урбанизации, с одной стороны, и формирования номадических культур – с другой, обостряют интерес к взаимоотношениям человека и города как социокультурной среды, к проблеме идентификации с городом. «Является ли город как социокультурная общность той социальной группой, которая может послужить основанием для самоидентификации?», «что такое город для человека сегодня?» – вопросы, которые задаются и в фундаментальных, и в прикладных исследованиях в рамках истории, философии, социальной экологии, культурологии, урбанистики, архитектуры, а также междисциплинарных исследований. Психологическое изучение проблемы идентификации с городом позволяет получить представление о психологических основаниях укорененности и / или мобильности человека в городской среде, его активности, готовности развивать свой город, реализуя в нем свои жизненные планы, дает возможность объяснить поведение горожан, найти решение социальных, экономических, демографических вопросов, которые возникают в реальной городской практике.

Целью нашего исследования было выявление тех психологических оснований, на которых «держится» идентичность с городом современных молодых людей в разных городах России: Барнауле, Владивостоке, Екатеринбурге, Петропавловске-Камчатском, Санкт-Петербурге, Томске.

Методы и методики. Для измерения городской идентичности был использован опросник «Шкала идентификации с городом» М. Lalli [6], который включает пять семантических блоков-шкал: Внешняя ценность, Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Один из них, по мысли автора, Внешняя ценность, содержит вопросы, связанные с отраженными аут-групповыми и ин-групповыми стереотипами, остальные четыре отражают личный опыт бытия в городе, субъективное восприятие человеком среды города и являются доминирующими в структуре идентичности с городом. Максимально возможный балл по каждой шкале равен пяти.

Исследование проводилось в 2015–2016 гг. В нем приняли участие 1 762 респондента в возрасте от 17 до 34 лет, проживающих в российских городах: Барнауле (n = 61), Владивостоке (n = 201), Екатеринбурге (n = 1197), Петропавловске-Камчатском (n = 140), Санкт-Петербурге (n = 53), Томске (n = 110). Распределение респондентов по возрасту близко к нормальному.

Статистический анализ первичных данных производился при помощи программы *Statistica 8.0*, использовался дисперсионный анализ Фридмана по критерию Хи-квадрат (для сравнения зависимых переменных).

Результаты исследования. Основными задачами нашего исследования были: 1) выявление сходства или различий идентичности с городом у респондентов, проживающих в разных городах; 2) выявление вклада тех или иных составляющих в общую идентичность с городом. Для решения этих задач сравнивался как уровень выраженности интегрального показателя опросника «Шкала идентификации с городом» в шести городах, так и

соотношение уровней выраженности значений отдельных шкал опросника в выборках по каждому отдельному городу. Сравнение проводилось и по средним (Mn), и по медианам (Md).

Первое, что показал статистический анализ полученных данных, это то, что достоверных различий в интегральных показателях городской идентичности в разных городах не обнаружилось. Однако выявились статистически значимые различия в структурных особенностях (конфигурации компонентов) городской идентичности в разных городах. Сравнение позиций каждой шкалы методики М. Lalli относительно остальных шкал внутри городской выборки показывает специфику структуры городской идентичности молодежи разных российских городов.

В Санкт-Петербурге наиболее высокие значения, статистически значимо (Хи-квадрат = 13,4; $p = 0,01$) отличающиеся от всех остальных шкал, получены по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,4; Md = 4,0). Между другими шкалами статистически значимых различий не наблюдается: Общая привязанность (Mn = 2,9; Md = 2,8), Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 3,0), Восприятие близости (Mn = 2,8; Md = 2,8), Целеполагание (Mn = 2,8; Md = 2,8).

В Екатеринбурге также наиболее высокими оказались значения по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,7; Md = 3,8), далее значимо ниже, чем Внешняя ценность, но значимо выше остальных шкал выражен показатель шкалы Общей привязанности (Mn=3,5; Md=3,5). Значимо ниже всех шкал значения параметра Связь с прошлым (Mn = 3,0; Md = 3,0). Различия между шкалами статистически достоверны на уровне $p = 0,00001$, Хи-квадрат = 721,1. Шкалы Восприятие близости (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Целеполагание (Mn = 2,8; Md = 2,8) в выборке Екатеринбурга статистически не различаются.

В выборке Владивостока самыми высокими оказались значения по шкалам Внешняя ценность (Mn = 3,6; Md = 3,8) и Общая привязанность (Mn = 3,5; Md = 3,5), самые низкие – по шкале Связь с прошлым (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия достоверны на уровне $p = 0,00001$, Хи-квадрат = 175,5. При этом значения первых двух шкал статистически не различаются между собой. Также не выявлено различий между шкалами Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 3,0) и Целеполагание (Mn = 2,9; Md = 3,0).

В Томске самыми высокими получились значения по шкале Общая привязанность (Mn = 3,4; Md = 3,8). Значимо ниже – по шкале Внешняя ценность (Mn = 3,2; Md = 3,3), при этом в томской выборке, в отличие от всех остальных городов, никто из респондентов не поставил минимальный балл по этой шкале. Еще менее выражены (статистически достоверно) значения по шкалам Связь с прошлым (Mn = 2,9; Md = 3,0) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 3,0), при этом между собой эти шкалы статистически не различаются. Самыми низкими оказались показатели по шкале Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия значимы на уровне $p = 0,001$, Хи-квадрат = 41,6.

В Барнауле самыми высокими оказались значения по шкале Общая привязанность (Mn = 3,6; Md = 3,8), самыми низкими – по шкалам Внешняя ценность (Mn = 2,6; Md = 2,5) и Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,5). Различия между шкалой Общая привязанность, с одной стороны, и шкалами Внешняя ценность и Целеполагание, с другой стороны, статистически значимы на уровне $p = 0,0001$, Хи-квадрат = 63,3. Значения шкал Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 2,8), занимая среднее положение, не обнаружили, однако, статистических различий между собой.

В Петропавловске-Камчатском соотношение шкал опросника М. Lalli в целом похоже на барнаульскую выборку. То есть самые высокие значения принимает шкала Общей привязанности (Mn = 3,4; Md = 3,5), самые низкие – шкалы Внешняя ценность (Mn = 2,7; Md = 2,5) и Целеполагание (Mn = 2,7; Md = 2,8). Различия между значениями шкалы Общая привязанность, с одной стороны, и шкалы Внешняя ценность и Целеполагание, с другой стороны, статистически достоверны на уровне $p = 0,0001$, Хи-квадрат = 77,5. Значения шкал Связь с прошлым (Mn = 2,8; Md = 2,8) и Восприятие близости (Mn = 2,9; Md = 2,8) занимают среднее положение и не обнаруживая статистических различий между собой.

Проанализируем и обсудим полученные данные. Сначала обратимся к той тенденции, которую показывает шкала Внешняя ценность. Можно видеть, что наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом эта шкала вносит в таких городах, как Санкт-Петербург, Екатеринбург и Владивосток, наименьший – в Барнауле и Петропавловске-Камчатском. Томск занимает промежуточное положение. С нашей точки зрения, этот результат можно объяснить особенностями самих городов: Санкт-Петербург называют второй столицей России, Екатеринбург и Владивосток фактически являются региональными столицами, тогда как города Барнаул и Петропавловск-Камчатский скорее можно отнести к провинциальным городам. Особое место в этом ряду занимает город Томск. По своему социально-экономическому положению и количеству жителей его скорее можно отнести к провинциальным городам, однако он обладает богатой историей, культурными, научными и образовательными традициями. Достаточно отметить хотя бы тот факт, что при численности населения Томска в полмиллиона человек город имеет пять крупнейших вузов, причем два из них – государственные и политехнический университет – входят в топ-10 вузов страны. И это, безусловно, является особенно привлекательным именно для молодежи, стремящейся получить достойное образование. Таким образом, можно сделать следующий общий вывод: чем в большей степени город обладает признаками культурного центра в широком смысле этого слова, тем больший вклад в общую идентичность с городом вносит параметр внешней ценности.

Обратимся теперь к результатам, полученным по тем шкалам, которые являются, по мысли автора используемой в нашем исследовании методики, доминирующими в структуре идентичности с городом и отражают субъективное восприятие человеком среды города и личный опыт бытия в нем, – Общая привязанность, Связь с прошлым, Восприятие близости, Целеполагание. Можно видеть следующую тенденцию: практически

во всех городах, вошедших в нашу выборку, наибольший вклад в интегральный показатель идентичности с городом вносит шкала Общей привязанности, наименьший – шкала Целеполагание. Каков же опыт бытия молодых людей в городе демонстрируют полученные результаты? Идентичность молодежи с городом скорее основывается не на свободном и аутентичном переживании близости, эмоциональной связи с городом, приверженности ему, но именно на привязанности к городу.

Таким образом, можно говорить, что жители всех городов, принявшие участие в исследовании, воспринимают свой город или с точки зрения внешней привлекательности, или с точки зрения эмоционально-утилитарного отношения – чувства «привычности», родства, безопасности. В то время как представление о развитии города и планирование своего будущего как тесно связанного с ним, осуществление жизненных целей в городе проживания не являются важным основанием идентификации с городом. Город воспринимается как «своя среда», пусть даже и субъективно бесперспективная, если с ней многое связывает, она хорошо знакома и позволяет чувствовать себя «по-настоящему дома».

В исследовании также был поставлен вопрос о взаимосвязи идентичности с городом и времени проживания в нем. Для проверки отличий в значениях шкал Идентификации с городом в зависимости от длительности проживания также применялся дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием F-критерия. Предварительный корреляционный анализ не выявил статистически значимых связей между количественной шкалой длительности проживания в городе и шкалами идентичности, поэтому для всей выборки независимо от города проживания была создана номинальная шкала интервалов длительности проживания:

- от 3 мес. до 1 года (237 чел., 13%);
- 2–5 лет (619 чел., 35%);
- 6–10 лет (81 чел., 5%);
- 11–20 лет (617 чел., 35%);
- более 20 лет (208 чел., 12%).

По шкале Внешняя ценность статистически достоверно более низкие значения оказались в интервале длительности проживания более 20 лет (F-критерий = 9,6; $p = 0,000001$), для остальных интервалов по данной шкале различий не наблюдается. По шкалам Общая привязанность (F-критерий = 32,5; $p = 0,00001$), Связь с прошлым (F-критерий = 45,4; $p = 0,00001$) и Восприятие близости (F-критерий = 6,4; $p = 0,00004$) наблюдается рост значений в зависимости от времени проживания, при этом после 20 лет рост значений прекращается.

Интересны результаты, которые касаются временной динамики показателей шкалы Целеполагание. В первые годы проживания значения несколько возрастают, достигая максимума в периоде 2–5 лет, а потом, с увеличением времени проживания до 20 и более лет, эти значения существенно уменьшаются (F-критерий = 3,3; $p = 0,009$). То есть можно утверждать, что респонденты, живущие в городе более 10 лет, все меньше и меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь, и меньше убеждены, что хотели бы остаться в этом городе и связывать с ним свои планы на будущее. При этом в интервале проживания 6–10 лет наблюдается самый большой разброс значений по всем шкалам. Можно предположить, что в этот период у человека происходит кризис идентификации с городом: он переоценивает свое отношение к нему, свое место в нем, принимает решение о том, оставаться ли жить в этом городе. Вероятно, большую роль играет в этой ситуации и нормативный кризис профессионального становления, связанный с окончанием учебы и освоением нового статуса – работника, специалиста, противоречием между реальным и желаемым профессиональным и карьерным ростом, нередко и стремлением пересмотреть свои прежние выборы, «начать все сначала».

Заключение. В заключение можно сделать следующие обобщения и выводы: 1) параметры внешней привлекательности и общей привязанности являются основными в структуре идентичности с городом российской молодежи; 2) выделились три вида структуры идентичности с городом, отражающие разные основания для идентификации в различных городах – в Санкт-Петербурге («вторая столица России») идентификация с городом в большей степени основывается на внешней ценности и привлекательности города; в Барнауле и Петропавловске-Камчатском («нестолличные» города) – на общей привязанности, т.е. на эмоционально-утилитарном отношении – чувстве «привычности», родства, безопасности; в Екатеринбурге, Владивостоке и Томске («региональные столицы» и культурно-образовательные центры) – как на внешней привлекательности, так и на эмоционально-утилитарном отношении; 3) параметр целеполагания вносит незначительный вклад в интегральный показатель идентичности во всех городах; этот вывод, с нашей точки зрения, имеет не только психологическое, но и существенное социально-практическое значение, поскольку его выраженность свидетельствует о стремлении молодого человека связать свое будущее с городом; 4) период проживания в городе в интервале 6–10 лет является критическим для субъективного переживания идентичности с городом, с увеличением времени проживания от 6–10 лет до 20 и более лет показатели целеполагания существенно уменьшаются. То есть можно утверждать, что люди, живущие в городе более 10 лет, все меньше связывают с городом свои планы на будущее и все меньше ожидают, что будущие изменения в городе окажут положительное влияние на их жизнь.

Литература

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2017).
2. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 77–84.
3. Самошкина И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
4. Bernardo F., Palma-Oliveira J-M. Urban neighbourhoods and intergroup relations: The importance of place identity // Journal of Environmental Psychology. 2016. Vol. 45. P. 239–251. DOI: 10.1016/j.jenvp.2016.01.010.
5. Kashima Y., Paladino A., Margetts E.A. Environmentalist identity and environmental striving // Journal of Environmental Psychology. 2014. Vol. 38. P. 64–75. DOI: 10.1016/j.jenvp.2013.12.014.
6. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12 (4). P. 285–303. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80078-7.
7. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // Journal of Environmental Psychology. 2011. Vol. 31. P. 207–230. DOI: 10.1016/j.jenvp.2010.10.001.
8. Montgomery J. Making a City: Urbanity, Vitality and Urban Design // Journal of Urban Design. 1998. Vol. 3 (1). P. 93–116. DOI: 10.1080/13574809808724418.
9. Ujanga N., Zakariya K. The notion of place, place meaning and identity in urban regeneration // Procedia – social and behavioral sciences. 2015. Vol. 170. P. 709–717. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.01.073.

STRUCTURAL FEATURES OF URBAN IDENTITY OF RESIDENTS OF RUSSIAN CITIES

Litvina S.A., Muraveva O.I., Bogomaz S.A., Tomsk State University, Tomsk, Russia. E-mail: litvina65@mail.ru; muravey59@mail.ru; bogomazsa@mail.ru

Kruzhkova O.V., Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Abstract. Urbanization processes and formation of nomadic cultures foster interest in the relationship of man and the city as a social and cultural environment, including the problem of identification with the city. Research in this area will allow answering the questions about the psychological basis of one's rootedness and mobility in the urban environment, one's activity and readiness for developing the city with implementing one's life plans there. The aim of our study was to clarify what serves as the basis for identification of people with their city of residence; what is the structure of urban identity in youth of the Russian cities in different regions of the country: Barnaul, Vladivostok, Yekaterinburg, Petropavlovsk-Kamchatsky, Saint Petersburg, and Tomsk. The study was conducted in 2015-2016; it involved 1762 participants at the age from 17 to 34 years old. As a method of research M. Lalli's Urban Identity Scale was used. To compare the distributions of the questionnaire subscale values, analysis of variance for dependent variables (the Friedman ANOVA) and chi-square criterion were used. Analysis of the results obtained revealed statistically significant differences between the medians and means of the questionnaire scales for the six cities. Three types of the structure of urban identity have been found: the first one was connected with Saint Petersburg; the second one was identified for Ekaterinburg and Vladivostok, and the third one was for Tomsk, Barnaul and Petropavlovsk-Kamchatsky. The analysis showed that the more the city has features of a cultural and educational center, the greater contribution to the total urban identity is made by the parameter of external evaluation. In general, the identification with the city is based on emotional grounds: primarily, through general attachment to the city and to a much lesser degree via perception of familiarity with this place. It has been found that the largest dispersion of the commitment parameter was observed in the range of 6-10 years of residence in the city. Thus, it can be concluded that the respondents living in the city for more than 10 years to a lesser degree expect that future changes in the city will have a positive impact on their lives and are less certain about staying in this place and associating their plans for the future with this city or town.

Keywords: urban identity; safeness; youth; goal-setting; values.

УДК 159.96

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.Ш. Магомед-Эминов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
E-mail: m_sh_m@mail.ru

Аннотация. Предлагается культурно-деятельностный подход к феномену человеческой индивидуальности – субъекта, личности, идентичности. Различаются интенциональная предметная деятельность субъекта и работа по осуществлению события бытия, события жизни. Деятельность субъекта опосредствована психической работой человека – работой личности над собой. В континуальной работе личности формируется продукт этой работы – идентичность личности.

Ключевые слова: субъект; личность; идентичность; темпоральность; трансформация; метапсихологическая работа личности; аутопоэтическая работа личности над собой.

Основную идею нашей работы мы сформулируем, отталкиваясь, прежде всего, от методологического и теоретического противоречия в современном психологическом и гуманитарном знании по вопросу о понимании психологии человеческой индивидуальности, обозначаемой обычно субъектом, личностью, идентичностью.